

Неоимперские тенденции и проекты в формате современного многополюсного мира

Цыбаков Д. Л.

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация; d413839@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность исследования состоит в формировании научно обоснованных представлений о содержании и предпосылках нового этапа конкуренции мировых и региональных держав в условиях многополярности и глобализации современной планеты. Одним из проявлений эскалации международных отношений признается появление попыток использования традиций империалистической политики в стратегиях ведущих субъектов мирового политического процесса. В то же время современный неоимперский дискурс обладает уникальной спецификой, которая не в полной мере учитывается в разработках политической науки.

Цель статьи заключается в политологическом анализе реставрации имперской внешней политики со стороны ведущих субъектов международных отношений и выявления последствий ее реализации для состояния единого пространства безопасности многополюсного мира.

Материалы и методы. Исследование выполнено на основе сравнительного и исторического научных методов. Сравнительный метод нашел применение при сопоставлении различных типов неоимперских проектов и инструментов их реализации. При помощи исторического метода определялись этапы продвижения моделей имперского экспансионизма в истории мировой политики и на современном этапе развития политического процесса.

Результаты. Проведена систематизация основных факторов формирования и реализации неоимперских тенденций на региональном и глобальном уровнях международных отношений. Обобщены научные представления в области классификации современных форм и каналов военно-политического экспансионизма в условиях постбиполярности. Рассмотрены трансформации методов достижения геостратегического доминирования основных субъектов мировой политики и причины появления новых типов неоимперской экспансии в XXI столетии. Обоснованы предпосылки дальнейшей эволюции политики мировых и региональных держав по достижению превосходства в глобальной конкуренции.

Выводы. Основной причиной формирования современных неоимперских проектов обеспечения глобального и континентального гегемонизма называются последствия глобализационных процессов. Доказывается взаимосвязь между эрозией модели национальной государственности и попытками восстановления ее международной легитимности при помощи обращения к державным традициям внешней политики имперского периода. Приоритетным фактором продвижения современных неоимперских проектов называется необходимость противостояния вызовам интересам политиков-традиционалистов со стороны транснациональных и наднациональных акторов эпохи глобализации. Аргументируется замещение косвенных, гибридных моделей открытыми проявлениями неоимперского экспансионизма как одной из ведущих тенденций геополитического противоборства в XXI столетии.

Ключевые слова: многополюсный мир, милитаризм, неоимперские традиции, неоимперские проекты, глобализация.

Для цитирования: Цыбаков Д. Л. Неоимперские тенденции и проекты в формате современного многополюсного мира // Управленческое консультирование. 2026. № 3. С. 140–150. EDN SGZVSC

Neo-Imperial Trends and Projects in the Contemporary Multipolar World

Dmitry L. Tsybakov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation; d413839@yandex.ru

ABSTRACT

The relevance of this study lies in the development of scientifically grounded understanding of the nature and preconditions of a new stage of competition between global and regional powers in the context of the multipolarity and globalization of the modern planet. One manifestation of the escalation of international relations is the emerging attempts to incorporate the traditions of imperialist policy into the strategies of leading actors in the global political process. At the same time, contemporary neo-imperial discourse possesses unique characteristics that are not fully considered in political science.

The purpose of this article is to provide a political analysis of the restoration of imperial foreign policy by leading actors in international relations and to identify the consequences of its implementation for the state of a unified security space in a multipolar world.

Materials and Methods. The study utilizes comparative and historical scientific methods. The comparative method was applied to compare various types of neo-imperial projects and the instruments for their implementation. Using the historical method, the stages of the advancement of imperial expansionism models in the history of world politics and in the current stage of political development were determined.

Results. This article systematizes the key factors shaping and implementing neo-imperial tendencies at the regional and global levels of international relations. It summarizes scholarly concepts in classifying contemporary forms and channels of military-political expansionism in the context of post-bipolarity. The article examines the transformation of methods for achieving geostrategic dominance among key actors in global politics and the reasons for the emergence of new types of neo-imperial expansion in the 21st century. The prerequisites for the further evolution of global and regional powers' policies to achieve superiority in global competition are substantiated.

Conclusions. The consequences of globalization processes are identified as the primary reason for the emergence of contemporary neo-imperial projects for ensuring global and continental hegemony. A link is demonstrated between the erosion of the national statehood model and attempts to restore its international legitimacy by appealing to the powerful foreign policy traditions of the imperial period. The priority factor in advancing contemporary neo-imperial projects is the need to counter challenges to the interests of traditionalist politicians posed by transnational and supranational actors in the era of globalization. The replacement of indirect, hybrid models with overt manifestations of neo-imperial expansionism is argued to be one of the leading trends in geopolitical confrontation in the 21st century.

Keywords: multipolar world, militarism, neo-imperial traditions, neo-imperial projects, globalization.

For citation: Tsybakov D. L. Neo-Imperial Trends and Projects in the Contemporary Multipolar World // Administrative Consulting. 2026. No. 3. P. 140–150. EDN SGZVSC

Введение

В условиях глобальных трансформаций мировое сообщество вступило в период реформатирования институциональной и идеологической подсистем международных отношений. Со стороны части «политического класса» многих стран отмечается стремление реконструкции и идейного обеспечения все новых вариаций великодержавной внешней политики [21, р. 150]. Во многом указанная ситуация обусловлена чередой кризисов, которые были характерны практически для всех моделей мирового порядка последних десятилетий. Наиболее очевидным для экспертного сообщества следует назвать эрозию проекта однополярного мира.

Кризис однополярности связывается с утратой США доминирования в системе международных отношений, ослаблением того могущества, которое обрела эта держава по итогам завершения «холодной войны». Так называемые «демократические интервенции» и «война с международным терроризмом», инициированные Вашингтоном на рубеже XX–XXI столетий, продемонстрировали относительно ограниченные возможности Соединенных Штатов поддерживать устраивающую их «политический класс» модель «нового мирового порядка». Как Российская Федерация,

так и некоторые из бывших «неприсоединившихся государств» все активнее противодействовали экспансии атлантического блока в зонах своих национально-государственных интересов.

Наиболее показательные события подобного рода — это «Мюнхенская речь» российского президента в 2007 г. и отказ КНР присоединиться к патронируемому Вашингтоном формату G2 в 2009 г. В первом десятилетии нового века все очевиднее стал социальный запрос на многополярность, выраженный в формировании новых центров геополитического влияния — представленных как государствами, так и негосударственными субъектами. В свою очередь, продвигаемая транснациональными акторами модель глобального мироустройства также вступала в противоречие с державными замыслами США, поскольку предусматривала существенное ограничение национально-государственного суверенитета традиционных субъектов мировой политики.

Глобалистская версия миропорядка все более диссонировала с провозглашенными целями открытости, равноправного партнерства и достижения благоденствия. Нарастание посягательств на национальный суверенитет и идентичность, масштабирование влияния олигархата на глобальный уровень и произвол подконтрольных ему надгосударственных организаций вызвали обратную реакцию со стороны стран Глобального Юга, а также среди традиционалистов государств постиндустриального мира. Сложившаяся ситуация подрывала возможности неолиберальной модели, то есть вариации международных отношений, «основанной на правилах» (“rules-based international order” (RBIO)). Таковая воспринималась в России, Китае, Индии и иных региональных державах как идеологическое прикрытие для легитимации гегемонии атлантического сообщества. Особенный пессимизм вызывала нацеленность апологетов проекта RBIO на навязывание глобальному миру комплекса неформализованных правил, по сути, обходящих установки международного права и дезавуирующих его значение как одного из опорных компонентов отношений между странами и народами.

Среди примеров подобного рода в первую очередь упоминаются такие концепты, как доктрина «Пах Американа» в исполнении администрации президента США Д. Трампа, проект «Глобальная Британия». Например, российским исследователем А. Богдановым доказывалось обращение к великодержавному дискурсу как к инструменту легитимации гегемонизма США в условиях однополярности [2, с. 109]. В имперский формат вполне вписаны положения пантюркистских концептов турецкого лидера Р. Эрдогана [5, с. 7]. Особое значение имеют эскапады западных политиков и экспертов по отношению к российской внешней политике в ближнем и дальнем зарубежье. Активные действия Москвы по защите своих национально-государственных интересов встречают обвинения в имперских традициях и реваншизме. В то же время определенная часть российского «политического класса» и экспертного сообщества обосновывает необходимость достижения статуса мировой державы за счет реставрации имперского наследия прошлых эпох [10, с. 17].

Не вызывает сомнения, что в области теории и практики современных международных отношений заявляет о себе комплекс научно-методологических и прикладных противоречий, сохраняется неопределенность по поводу обоснованности характера и тенденций внешнеполитических стратегий ведущих мировых государств в условиях нарастания конфликтности мирового политического процесса.

Материалы и методы

Вектор обоснования империи как специфического международно-политического субъекта характерен в первую очередь для религиозно-философской парадигмы политической теории, признающий за этим феноменом значение универсальной

иерархии международных отношений. Imperium (от лат. — приказание, правление) объяснялся как квинтэссенция власти и могущества в масштабе всей окружающей ойкумены [4, с. 346]. Однако классическим научным подходам свойственна аморфность и незавершенность критериев имперской формы самоопределения государств и их союзов в системе международных отношений.

Для зарубежной политологии XX столетия характерно объяснение имперского мирового порядка как антагониста национального самоопределения народов и национально-государственного принципа организации международных отношений [22, р. 31]. Показательна точка зрения американского ученого Т. Гетса, прямо связывающего империализм с колониализмом [18, р. 301]. С позиций морально-этической предопределенности обозначен и научно-исследовательский обскурантизм имперских универсалий, что существенно ограничивает объективное постижение тенденций и специфики международных отношений эпохи многополюсного мира. Отмеченные обстоятельства обуславливают использование исторического и сравнительного методов для определения роли неоимперских концептов и проектов в современных условиях.

Результаты

На основе проведенной систематизации автором выделяются следующие ключевые факторы в формировании имперского типа международно-политических проектов: политико-философский, социально-экономический, военно-стратегический, политико-правовой, геополитический.

Политико-философский концепт характеризует концентрация исследовательского интереса на мировоззренческих и духовных основаниях легитимации международной субъектности великих мировых держав. Его возникновение связано с социальным заказом на оправдание конкретных моделей имперского экспансионизма со времен Античности и Средневековья. Этот фактор отличает несомненная комплиментарность по отношению к великодержавному вектору государственных стратегий. Российским исследователем Е. Ю. Мелешкиной указывается на обоснование интеллектуальными элитами конструктивного потенциала концентрации властных полномочий в рамках единой наднациональной конструкции мирового масштаба [9, с. 29]. В настоящее время влияние данного фактора существенно снижено ввиду последствий демократизации и гуманизации международных отношений. Однако рудименты имперского мировоззрения в современном мире по-прежнему сохраняются на платформе клерикальных и националистических установок. Так, протестантский мессианизм по-прежнему остается одной из движущих сил внешнеполитических устремлений право-республиканского лагеря в США [17, с. 70]. Объективность сохранения имперского фундамента во внешнеполитических стратегиях Соединенных Штатов аргументируется в работах классика российской политической мысли С. Согрина [12, с. 19]. На Ближнем Востоке еще не столь давно сталкивались между собой пантюркистские проекты расширения геополитического влияния Турецкой Республики, стратегии создания региональной шиитской теократии и концепции панарабизма, продвигаемые монархиями Персидского залива.

Социально-экономический фактор базируется на материальных основаниях в формировании международных акторов имперского типа. В политическом знании XX столетия превалировала идея об империализме как фундаментальной опоре имперских институтов и реализуемых в тот период экспансионистских стратегий. Указанный концепт соответствует индустриальному/модернистскому этапу развития планетарного сообщества. В отечественной политической мысли тема имперского мирового порядка рассматривалась прежде всего в рамках концепций мирового империализма, который поддерживался по разные стороны идеологического размежевания.

В условиях постбиполярности нарастание конкуренции за обладание мировыми ресурсами и рынками сбыта также проецирует соперничество между крупными экономическими акторами в политическую сферу, превращая транснациональные монополии в движущую силу глобальной экспансии. С другой стороны, противостояние глобализму не в последнюю очередь связывается традиционалистами-государственниками с возможностью продвижения новых неоимперских проектов [3, с. 248]. Еще один вариант, который к настоящему времени не нашел развернутого научного осмысления, — это встраивание транснациональных корпораций в формат современных империалистических практик, формирование комплексных неоимперских структур, включающих как государственные институты, так и негосударственные финансово-промышленные группы.

Экономические предпосылки современных неоимперских тенденций дополняются влиянием *военно-стратегического фактора*. Военно-политическое противоборство прочно вписано в контекст политической практики мировых и региональных лидеров всех времен. Великодержавная политика трактуется как объективное следствие милитаризации общественных ресурсов и организации социума по военному образцу. Милитаристский вектор зачастую преподносится в качестве приоритетного условия институционализации империй как мировых акторов, сопровождаясь нарастанием военной мощи института государства на всем протяжении политической истории человечества. Обеспечивая военно-стратегический паритет и баланс сил с другими претендентами на мировую гегемонию, милитаристская внешняя политика провоцирует дальнейшую эскалацию международных отношений. События 2020-х гг. — эскалация большинства традиционных международных конфликтов — наглядно доказывают вневременной характер и глобальный масштаб выражения современного этапа ремилитаризации мировой политики.

Политико-правовой концепт, в минувшие эпохи обеспечивающий структурную и институциональную организацию государств имперского типа, к настоящему времени не обладает практической актуальностью. В силу очевидной дискредитации империалистических форм внешней политики в мировом общественном мнении и в сфере международного права представляется невозможным открытое провозглашение создания новых мировых империй или юридическое закрепление внешней экспансии как приоритета государственных стратегий [20, р. 177]. Эрозия легальных форм институционализации имперских тенденций имеет следствием появления различных гибридных и смешанных вариаций выражения державных устремлений инициаторов внешней экспансии.

В свою очередь, геополитический фактор мировых и региональных неоимперских тенденций выражен в продолжающемся соперничестве за обладание стратегически значимыми территориальными ареалами земного шара. Например, в работах Х. Маккиндера понимание империи оформляется скорее не как представление о конкретном типе государства, а как осознание специфического вида внешнеполитической стратегии [7, с. 401]. В основе последней остается ориентация на господство, эксклюзивное положение центрально-осевого компонента имперской организации. Согласно воззрениям теоретика политического насилия К. Шмитта, такая организация проявляется через презентацию установок и правил международной коммуникации, монополизацию ресурсов зависимых территорий и регионов [16, с. 60].

Резюмируя содержание полученных научных результатов, укажем на неравномерное значение факторов реставрации современных неоимперских проектов для теории и практики международных отношений. Представляется, что на современном этапе наибольшим эвристическим потенциалом обладают геополитические, военно-стратегические и политико-экономические условия возрождения имперских стратегий и проектов в мировой политике многополюсного мира.

Обсуждение

В условиях постбиполярности требует пересмотра традиционная классификация субъектов имперского типа, сформировавшаяся в периоды традиционного и индустриального обществ [11, с. 252]. Более продуктивными представляются попытки обоснования новых вариаций неоимперской политики, направленные не на формирование массива прямо подконтрольных единому центру территорий, а на расширение преобладающего влияния и освоения ресурсов в важных геостратегических ареалах [6, с. 97].

Отражением отмеченной тенденции следует признать выделение типов «классических» (идеократических), колониальных и «постмодернистских» империй [1, с. 84]. Соответствующая современным реалиям проекция «империи постмодерна» описывается скорее как сетевая структура глобального масштаба, а не иерархический институт, обладающий конкретной национально-государственной принадлежностью.

Более продуктивным в политической науке признано обоснование феноменов «постимперскости» и «неоимперскости» [14, с. 75]. В свою очередь, американскими авторами Х. Джорджаймом и И. Ньюменом признано, что стратегия «неоимперскости» подразумевает осмысленную адаптацию великодержавного наследия в ситуации нового мирового порядка [19, р. 153]. Российским политологом Н. А. Медушевским указывается, что подобная практика все более отличает активность США в период правления республиканской администрации в 2016–2020 гг. и после 2024 г. [8, с. 248]. Также возрождение имперского реваншизма может быть отнесено к политике милитаризации Европейского союза по мере развития российско-украинского конфликта 2022–2026 гг. Причем предпосылки к эволюции «единой Европы» в сторону великодержавного экспансионизма прослеживались исследователями и в более ранний период [15, с. 94].

На основе применения исторического и сравнительного методов имеет смысл выделить модели милитаризации мировой политики конца XX — начала XXI столетий в контексте их соответствия неоимперским устремлениям претендентов на глобальную или региональную гегемонию. Первая из таких вариаций приходится на период окончания холодной войны, связываемый с наступлением постбиполярности и мирового доминирования США. Начало указанного периода имеет смысл соотносить с операцией «Буря в пустыне» (1991 г.), а окончание — с выводом основного контингента НАТО из Ирака и мировым экономическим кризисом 2008–2009 гг. Американский империализм в указанное время полностью господствовал в военно-стратегической области и был нацелен на подавление государств и режимов, воспринимаемых как реликты эпохи двухполярного мира. В то же время милитаристские устремления США и их союзников по НАТО камуфлировались декларациями гуманитарного характера или целями борьбы с международным терроризмом и реализовывались на фоне официального отказа от великодержавных концептов внешней политики.

Второй период милитаризации охватывает 2010-е — начало 2020-х гг., сопровождая все более очевидные тенденции наступающей многополярной эпохи. Основными событиями этой эпохи стали «трансарабский переворот», развертывание асимметричных вооруженных конфликтов и прокси-войн в Сирии, Ираке, Йемене, на Украине. Этот этап можно охарактеризовать как постиндустриальный милитаризм, ориентированный главным образом на косвенные и опосредованные формы и технологии военно-политической экспансии. Империалистический вектор в указанный период фактически не имел прямого выражения и идеологического признания. Все более проявлялось увеличение влияния транснациональных акторов на мировую политику, что сопровождалось определенной дискредитацией института государства как ее основного актора.

Третий этап постбиполярной милитаризации начинает свой отсчет после эскалации конфликта Россия — Запад вокруг Украины в 2022 г. и перехода США и Европейского союза к открытой подготовке к полномасштабной войне и мировой экспансии. Проявлением чего стали агрессии США и Израиля против Ирана и Ливана в 2026 г., а также насильственная реконструкция Вашингтоном политического режима в Венесуэле. Отличие указанных событий состоит в интенсивном внедрении неоимперских идеологий для оправдания курса на глобальную гегемонию. Теперь, в отличие от ситуации периода однополярности, внешняя экспансия ведущих мировых акторов не нуждается в оправдании за счет привлечения гуманитарных мотивов или апелляций к защите «общечеловеческих ценностей». Цели и задачи военно-политического экспансионизма декларируются максимально откровенно и недвусмысленно — захват ресурсов, территориальные притязания, разрушение оборонительного и наступательного потенциала противостоящих государств.

Наиболее важным следствием отмеченных явлений назовем проведенную политическими и интеллектуальными элитами ревизию идейно-политического багажа и материального арсенала продвижения великодержавной стратегии в международных отношениях. Поддерживается аргументация российского ученого С. В. Ткачева о формировании в современных условиях модернизированных неоимперских проектов [13, с. 21]. Дополним, что политика подобного рода имеет целью установление влияния, но не утверждения монополярной власти, ввиду чего требует применения косвенных и опосредованных методов реализации. По своей природе они сохраняют ориентацию на достижение мирового или континентального господства, однако по большей части дистанцируются от архаичных и неприемлемых в XXI столетии форм институционализации территориального и военно-политического экспансионизма.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о противоречивости и многовекторности процесса реставрации имперской внешней политики ведущих субъектов международных отношений современного мира. Однако, сохранив непосредственную связь с теорией и практикой милитаризации мировой политики, модернизированный империализм вновь заявляет о себе в условиях становления многополярного мирового порядка.

Исследование показало, что в качестве предпосылок реставрации неоимперского милитаризма в XXI столетии пребывают политико-философский, военно-стратегический, социально-экономический и геополитический факторы. Первый из них формирует мировоззренческие и идейно-политические основания легитимации международной субъектности инициаторов военно-политической экспансии. Идеология имперского милитаризма в современном мире воспроизводится прежде всего на платформе клерикальных и националистических доктрин и концепций. Военно-стратегический фактор остается следствием милитаризации современных социумов и их политических институтов. События 2020-х гг. показали, что милитаристский вектор по-прежнему трактуется политическими элитами США, Европейского союза в качестве приоритетного ресурса своей институционализации как мировых акторов, сопровождаясь чрезмерными военными приготовлениями и реформатированием системы международных отношений через призму подготовки к глобальной войне. Социально-экономический фактор инициирован нарастанием борьбы за обладание мировыми ресурсами, проецируя соперничество между крупными экономическими субъектами в политическую сферу, что вновь объективно способствует формированию очередных вариаций внешней имперской экспансии. Геополитические условия реставрации неоимперского милитаризма в многополярную эпоху состоят в ориентации внешнеполитических стратегий на эксклюзивное обладание

центрально-осевыми компонентами международной коммуникации и монополизацию ресурсов и значимых в геостратегическом плане территориальных ареалов планеты.

В свою очередь, выработке и развитию имперских проектов в значительной степени препятствует укрепление таких ведущих тенденций, как демократизация, гуманизация, секуляризация и глобализация международных отношений. Благодаря чему в течение XX столетия имперские внешнеполитические проекты превратились в аутсайдера международного стратегического дискурса. Именно этим объясняются происходящие в наши дни ограничение и камуфлирование, маскировка имперских проявлений в современных международных стратегиях и коммуникациях. Однако, будучи специфической реакцией на продиктованные глобализацией трансформации, реставрация имперских проектов в XXI столетии отражает неспособность традиционного национального государства противостоять вызовам и угрозам постбиполярной эпохи.

В исследовании выделяется три этапа развития милитаризации современного мирового сообщества. Для постбиполярной эпохи с доминирующим влиянием США признается характерным ограниченное использование имперских военно-политических практик. Такая специфика объясняется юридическим отказом идеологов и вдохновителей англосаксонского милитаризма периода 1990-х — начала 2000-х гг. от апологетики империализма и неокolonизма, которые в официальной риторике замещались лозунгами о необходимости силового обеспечения демократического транзита и защиты «общечеловеческих ценностей» в планетарном масштабе. Имперские тенденции и инструменты того времени проявляли себя скорее в латентной форме, в то же время во многом дополняя сущностное содержание стратегий «гуманитарных» или «демократических интервенций» США и НАТО на Балканах, в странах Африки и Ближнего Востока между 1991 и 2010 гг. После чего наступает второй этап современной милитаризации, берущий отсчет после мирового финансового кризиса 2008 г. и в целом совпадающий с контурами оформления многополярного мирового порядка. Для этого периода характерен гибридный милитаризм постиндустриального типа, заместивший прямую военно-политическую агрессию различными косвенными и опосредованными формами внешней экспансии. В указанное время неоимперские установки оставались преимущественно предметом идеологической полемики и фактически не влияли на реальную политику мировых гегемонов.

Второе десятилетие XXI столетия отмечилось пребыванием у власти в развитых странах сторонников глобалистских воззрений и ориентированных на транснациональные институты политических акторов. Со стороны подобных субъектов отмечалось стремление продолжить реконструкцию мирового порядка уже не за счет конвенциональных войн, а посредством развертывания внутренних подрывных акций против неугодных правящих режимов, которые могли дополняться ограниченным вмешательством ситуативных международных коалиций. По указанному сценарию развивались интервенции в Ливии, Сирии, Йемене в 2011–2020 гг. Весомую роль в этих и других аналогичных событиях играли многочисленные парамилитарные формирования и группировки, причем выход последних из-под контроля прежних покровителей формировал еще один конфликтный контур единого пространства безопасности планеты.

Реставрация неоимперского милитаризма с полным основанием соотносится с ситуацией 2020-х гг. Как показали конфликты между Россией и Украиной, Индией и Пакистаном, США, Израилем и Ираном, реальностью выступает возвращение института государства в качестве основного и наиболее действенного субъекта вооруженной борьбы. Мотивацией и идеологическим ресурсом современной милитаризации вновь выступают великодержавные идейные установки, которые могут использоваться как в экспансионистских целях, так и в целях защиты национального суверенитета.

Литература

1. Балашов А. Н. Ливцов В. А. Постклассическая империя как тип государства в научной полемике и международной деятельности // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19, № 5. С. 84–98. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-5-84-98; EDN: WADUZA
2. Богданов А. Н. «Американская империя» как ресурс легитимности доминирования США после холодной войны // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 1. С. 46–55. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-46-55; EDN: AISYXJ
3. Веселов Ю. А. Империализм мировых порядков // Via in Tempore. История. Политология. 2023. Т. 50, № 1. С. 233–248. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-233-248; EDN: RKBSP
4. Данте Алигьери. Малые произведения. Пир. О народном красноречии. Монархия. СПб. : Терра, Изд-во «Азбука», 1996. 656 с.
5. Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. М. : Издатель Воробьев А. В., 2019. 380 с. EDN: UAAEAP
6. Лошкарёв И. Д., Пареньков Д. А. Постимперские траектории в мировой политике // Право и управление. XXI век. 2017. № 4 (45). С. 91–97. DOI: 10.24833/2073-8420-2017-4-45-91-96; EDN: YWUJOI
7. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 45–60.
8. Медушевский А. Н. Имперское президентство: как трампизм меняет политическую систему США // Политическая наука. 2019. № 4. С. 284–311. DOI: 10.31249/poln/2019.04.12; EDN: PVDFFT
9. Мелешкина Е. Ю. Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций // Политическая наука. 2013. № 3. С. 10–29. EDN: RCOXZN
10. Михайлов Ю. Г. Перспективы имперского будущего России // Вопросы права, экономики и технологий. 2023. № 4. С. 17–26. DOI: 10.54449/37941_2023_4_17; EDN: BVMHVI
11. Панченко А. Б. Разделяя властвовать: усложнение структуры как принцип устойчивости континентальных империй // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 252–269. DOI: 10.24030/24092517-2022-0-2-252-269; EDN: VBKQKX
12. Согрин В. В. Американская империя как исторический феномен // Американский ежегодник. 2017. № 2016. С. 18–37. EDN: ZXXRER
13. Качев С. В. Империя и колониализм в современном мире // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 26–31. DOI: 10.24866/1998-6785/2023-2/26-31; EDN: ZAVRGG
14. Федоренко С. П. Особенности понимания империи в контексте процессов формирования неоимперской государственности // Философия права. 2013. № 6 (61). С. 72–75. EDN: RUAVKB
15. Шишков В. В. Европейский союз — от идеи наднационального суверенитета к новой западноевропейской «империи»: проблемы и перспективы европейской интеграции // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2014. Т. 14, № 1. С. 93–105. EDN: RCUWDY
16. Шмитт К. Номос земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. М. : Владимир Даль, 2008. 670 с. EDN: QQQKAB
17. Шариков П. А. «Трампизм» как доминирующее движение в Республиканской партии США в 2020-е годы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16, № 4. С. 70–94. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-70-94; EDN: ENUZJN
18. Getz Trevor R. Imperialism and Colonialism: A Global Perspective. Vancouver. Publisher: PearsonCollegeDiv. 2010. 353 p.
19. Jordheim H., Neumann I. Empire, imperialism and conceptual history. April // Journal of International Relations and Development. 2011. 14 (2). P. 153–185.
20. Klieman A. Great Powers and Geopolitics: International Affairs in a Rebalancing World. New York, Dordrecht, London : Springer International. 264 p.
21. Snyder J. Myths of empire: domestic politics and international ambition. London : Cornell University Press, 2013. 559 p.
22. Spruyt H. The sovereign state and its competitors: an analysis of systems change. Princeton: Princeton University Press, 1996. 304 p.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Об авторе:

Цыбаков Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация; d413839@yandex.ru

References

1. Balashov A. N., Litvov V. A. Post-classical empire as a type of state in scientific controversy and international activity // Central Russian Bulletin of Social Sciences [Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk]. 2024. Vol. 19, No. 5. P. 84–98. (In Russ.). DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-5-84-98; EDN: WADUZA
2. Bogdanov A. N. “The American Empire” as a Resource of Legitimacy for US Dominance after the Cold War // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2023. Vol. 67, No. 1. P. 46–55. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-46-55; EDN: AISYXJ
3. Veselov Yu. A. Imperialism of world orders // Via in Tempore. History. Political science [Via in Tempore. Istoriya. Politologiya]. 2023. Vol. 50, No. 1. P. 233–248. (In Russ.). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-233-248; EDN: RKBSPL
4. Dante Alighieri. Small works. Feast. About folk eloquence. Monarchy. St. Petersburg: Terra, ABC Publishing House, 1996. 656 p. (In Russ.).
5. Ivanova I. I. Evolution of the Middle East policy of the Republic of Turkey in the XX–XXI centuries. Moscow: Publisher Vorobyov A. V., 2019. 380 p. (In Russ.). EDN: UAAEAP
6. Loshkarev I. D., Parenkov D. A. Post-imperial trajectories in world politics // Law and governance. XXI century [Pravo i upravlenie. XXI vek]. 2017. No. 4 (45). P. 91–97. (In Russ.). DOI: 10.24833/2073-8420-2017-4-45-91-96; EDN: YWUJOI
7. Mackinder H. J. Geographical axis of history // Polis [Polis]. 1995. No. 4. P. 45–60. (In Russ.).
8. Medushevsky A. N. Imperial Presidency: how Trumpism is changing the US political system // Political science [Politicheskaya nauka]. 2019. No. 4. P. 284–311. (In Russ.). DOI: 10.31249/poln/2019.04.12; EDN: PVDFPT
9. Meleshkina E. Yu. Post-imperial spaces: features of the formation of states and nations // Political science [Politicheskaya nauka]. 2013. No. 3. P. 10–29. (In Russ.). EDN: RCOXZN
10. Mikhailov Yu. G. Prospects for the imperial future of Russia // Issues of law, economics and technology [Voprosy prava, ekonomiki i tekhnologii]. 2023. No. 4. P. 17–26. (In Russ.). DOI: 10.54449/37941_2023_4_17; EDN: BVMHVI
11. Panchenko A. B. Sharing power: complication of structure as a principle of stability of continental empires // Notebooks on conservatism [Tetradi po konservatizmu]. 2022. No. 2. P. 252–269. (In Russ.). DOI: 10.24030/24092517-2022-0-2-252-269; EDN: VBKQKX
12. Sogrin V. V. American Empire as a Historical Phenomenon // American Yearbook [Amerikanskij ezhegodnik]. 2017. No. 2016. P. 18–37. (In Russ.). EDN: ZXXRER
13. Tkachev S. V. Empire and colonialism in the modern world // Oykumena. Regional studies [Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya]. 2023. No. 2. P. 26–31. (In Russ.). DOI: 10.24866/1998-6785/2023-2/26-31; EDN: ZAVRGG
14. Fedorenko S. P. Features of understanding the empire in the context of the processes of formation of neo-imperial statehood // Philosophy of law [Filosofiya prava]. 2013. No. 6 (61). P. 72–75. (In Russ.). EDN: RUAVKB
15. Shishkov V. V. European Union — from the idea of supranational sovereignty to the new Western European “empire”: problems and prospects of European integration // Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences [Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN]. 2014. T. 14, No. 1. P. 93–105. (In Russ.). EDN: RCUWDY
16. Schmitt K. Nomos lands in the right of peoples Jus publicum Europaeum. Moscow: Vladimir Dal, 2008. 670 p. (In Russ.). EDN: QQQKAB
17. Sharikov P. A. “Trumpism” as the dominant movement in the US Republican Party in the 2020s // Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika]. 2024. Vol. 16, No. 4. P. 70–94. (In Russ.). DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-70-944; EDN: ENUZJN
18. Getz Trevor R. Imperialism and Colonialism: A Global Perspective. Vancouver. Publisher: PearsonCollegeDiv. 2010. 353 p.

19. Jordheim H., Neumann I. Empire, imperialism and conceptual history. April // Journal of International Relations and Development. 2011. 14 (2). P. 153–185.
20. Klieman A. Great Powers and Geopolitics: International Affairs in a Rebalancing World. New York, Dordrecht, London : Springer International. 264 p.
21. Snyder J. Myths of empire: domestic politics and international ambition. London : Cornell University Press, 2013. 559 p.
22. Spruyt H. The sovereign state and its competitors: an analysis of systems change. Princeton: Princeton University Press, 1996. 304 p.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

About the author:

Dmitry L. Tsybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation; d413839@yandex.ru

Поступила в редакцию: 06.03.2026

Поступила после рецензирования: 20.04.2026

Принята к публикации: 14.05.2026

The article was submitted: 06.03.2026

Approved after reviewing: 20.04.2026

Accepted for publication: 14.05.2026

© Цыбаков Д. Л., 2026